

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДРЕВНИЙ РИМ, Книга для чтения. Под ред. С. Л. Утченко
Учпедгиз, М., 1950, 332 стр., цена 9 р. 75 к.

I

Рецензируемая «Книга для чтения» является, насколько мне известно, первым опытом этого рода в советской учебной литературе, поэтому сравнивать ее с точки зрения общего характера приходится лишь с аналогичными дореволюционными изданиями. В старой учебной литературе существовало два типа «книг для чтения». Один представлен известной «Книгой для чтения по древней истории» под редакцией Васютинского и др. (изд. «Задруга», М., 1915). Это — тип облегченный, предназначенный для самих учащихся. Книга состоит из живых рассказов, часто о вымышленных лицах (или от имени вымышленных лиц); читаются они очень легко.

Другой тип — «Книга для чтения по истории средних веков» под редакцией Виноградова (изд. 2-е, М., 1898). Это — тип повышенный, предназначенный главным образом для преподавателей и учащихся старших классов. Многие статьи здесь представляют, в сущности, самостоятельные научные исследования, хотя они и оформлены без всякого научного «аппарата».

Посмотрим, к какому типу принадлежит рецензируемая книга для чтения. Мы читаем в аннотации: «Книга для чтения по истории Древнего Рима представляет собой пособие для внеклассного чтения учащихся средней школы по древней истории». Таким образом, целевая установка ясна: «Древний Рим» предназначен для самостоятельного чтения учащихся. Исходя из возраста учащихся шестого класса, где проходит история Рима, мы должны требовать от авторов максимальной простоты, живости, образности. Для школьников шестого класса нужно, несомненно, предпочесть первый из рассмотренных нами типов.

Если мы обратимся не к аннотации, а к содержанию «Древнего Рима», то должны будем признать, что оно слишком трудно. Я уже не говорю о таких статьях, как «Сулла — диктатор» или «Цицерон и Катилина», — они явно не под силу рядовому шестикласснику; даже остальные, более легкие статьи, по своему характеру скорее напоминают повышенный, а не облегченный тип «книг для чтения». Книга «Древний Рим» больше подходит для преподавателей, чем для учащихся, и действительно, насколько мне известно, именно преподаватели широко используют для себя новую «Книгу для чтения», встретившую у них хороший прием.

Основным недостатком этой книги (если говорить о форме) является то, что некоторые ее части напоминают вузовский курс, только написанный более популярно, или, наоборот, расширенный и «оживленный» школьный учебник; т. е. и в том и другом случае наша «Книга для чтения» дублирует учебник, что ни в коем случае не может быть целью учебного пособия такого типа. Сказанное особенно справедливо по отношению к первой половине книги (до Цезаря), хотя и здесь мы находим отдельные совершенно самостоятельные статьи, не «дублирующего» характера, например, «Рабство в Риме», «Царь рабов Антиох Сирийский» и «Аристоник». Статьи по истории

7 Вестник древней истории, № 3

мер, рассказ о нашествии галлов кончается таким абзацем: «Так рассказывают о галльском нашествии знаменитый римский историк Тит Ливий и Плутарх. Но, очевидно, эти рассказы передают историю борьбы римлян с галлами в сильно приукрашенном виде. Особенно неправдоподобным кажется факт отобрания золота римлянами. Даже некоторые древние писатели признают, что римлянам пришлось откупиться и галлы беспрепятственно вернулись к себе на родину с отнятым у римлян золотом. Маловероятно и участие в этой войне Марка Фурия Камилла в качестве диктатора» (стр. 40). Я не стал бы заканчивать рассказ таким образом. Ведь ясно, что эта концовка сводит на-нет почти весь его эффект.

Есть в «Книге» и прямые ошибки, т. е. расхождение с источниками. Конечно, в произведении такого рода нельзя требовать, чтобы автор полностью следовал за источниками: элемент творческой фантазии обязательно должен здесь быть. Но автор не имеет права расходиться с источниками или противоречить им. В статье «Рим при первых царях» говорится, что Тарквиний Древний «окружил Рим вместо земляного вала мощной каменной стеной...» (стр. 13). Однако общеизвестно, что римская традиция приписывала постройку первой каменной стены Сервию Туллию (Liv., I, 38; 44). В этой же статье мы читаем, что Ромулу приписывали «разделение населения города на 3 округа, или трибы, причем каждая триба в свою очередь делилась на 10 курий» (стр. 10). Слово «округ» по отношению к трибам является совершенно неподходящим. Как известно, древнейшие трибы были не территориальными, а родовыми делениями, и только Сервий Туллий, если верить традиции, ввел территориальное деление. В данном случае, следуя Цицерону и Дионисию, слово «триба» лучше всего передать как часть».

В статье «Геронические годы римской республики» про консулов сказано, что «их постоянно сопровождала свита из 12 служителей (ликторов), которые несли пучки прутьев с вложенными в эти пучки секирами (фасцами), что символически указывало на безграничную власть консулов над жизнью и смертью граждан» (стр. 20). Помимо того, что слово «свита» едва ли подходит в применении к служителям, «безграничная власть консулов» и, как символ этого, секиры, постоянно воткнутые в фасцы, нуждаются в оговорке, что так обстояло дело только в ранней республике. Без этой оговорки получится расхождение с общеизвестным фактом, что секиры втыкались в фасцы только за пределами городской черты. В школьном учебнике под ред. А. В. Мишулина прямо сказано: «Только во время похода власть консулов была неограниченной» (стр. 158). Вообще вопрос о высших должностных лицах ранней республики настолько сложен и затемнен в традиции, что лучше было его в этой книге не касаться.

В статье «Нашествие галлов» автор, вероятно, для лучшего эффекта, пишет: «По описанию римских историков, галлы были диким воинственным народом и с п о л и н с к о г о р о с т а (разрядка моя. — С. К.), со свирепым выражением лица, длинными косматыми волосами и бородами» (стр. 35). Незнаю, из каких источников взял это автор. До сих пор в описании наружности галлов было принято следовать Моммзену: «... Они были небольшого роста и некрепкого телосложения, с косматыми волосами на голове и с длинными усами»¹.

Несколько неточностей и ошибок есть в статье «Карфаген и Рим». «Благодаря выгодному географическому положению город (Карфаген. — С. К.) быстро развивался», — читаем мы на стр. 64. Это сильно упрощено и, следовательно, неверно. Своим быстрым развитием Карфаген был обязан не только географическому положению, а целому ряду факторов: своему колониальному характеру, связям с Финикией, благоприятной политической ситуации в западной половине Средиземного моря и другим моментам. Нельзя согласиться с характеристикой карфагенской армии, данной на стр. 66: «В техническом отношении карфагенская армия стояла на большой высоте. Она была пре-

¹ «История Рима», I, 1936, стр. 308.

красно вооружена, снабжена осадными машинами». Именно в техническом отношении карфагенская армия стояла довольно низко. Как известно, Ганнибал избегал осады укрепленных пунктов. Единственной крепостью, взятой им путем осады, был Сагунт. Все крупные римские крепости в Цизальпинской Галлии уцелели. Попытка осады Сполетия была неудачна (Liv., XXII, 9). Наконец, тот факт, что Ганнибал на Адриатическом побережье перевооружил свою армию по римскому образцу (Polyb., III, 87, 3), говорит не в пользу ее технической оснащенности. Карфагеняне были сильны в маневренной войне, у них была прекрасная конница, ими руководил такой полководец, как Ганнибал, но их армия в целом уступала римской.

Да это и понятно. Колониальной державе до ее столкновения с Римом не нужна была сильная армия. Поэтому у карфагенян отсутствовали те навыки и прочные традиции в сухопутной войне, какие были у римлян. Мелкие стычки с туземцами не требовали настоящей армии, а когда надвинулись войны с Римом и Баркидами пришлось создавать крупные вооруженные силы, их пришлось строить почти на голом месте. Другое дело флот. К моменту начала первой войны с Римом он, действительно, стоял на большой высоте. Но в ходе войны, как известно, римляне и здесь в техническом отношении обогнали карфагенян.

Об окончании I Пунической войны говорится следующим образом: «Наконец Карфаген, истощенный 23-летней войной (в это время там вспыхнуло опасное восстание наемников и рабов), вынужден был просить мира» (стр. 68). Автор статьи не может не знать, что восстание началось уже п о с л е окончания войны, во время демобилизации наемной армии. Приведенная же цитата ясно гласит, что восстание вспыхнуло еще до окончания войны. Надеюсь, что здесь допущена только стилистическая небрежность, однако это такая небрежность, которая граничит с грубой ошибкой.

В статье «Поход Ганнибала» также есть неточности и ошибки. Столкновение при Тицине описывается так: «Первое сражение с римлянами произошло у р. Тицина — левого притока По. Сципион явно переоценил свои силы и пошел на это сражение, не дождавшись соединения с войсками спешившего к нему на помощь Лонга. Поэтому он потерпел поражение. Карфагенская конница одержала верх над конницей римлян и обратила в бегство пехоту» (стр. 70). Это описание не совсем точно. Судя по Ливию (XXI, 46), настоящего сражения, в которое были бы введены главные силы противников, не было. У Тицина произошло столкновение конницы, выехавшей с обеих сторон на разведку (у римлян в сражении участвовал также отряд легковооруженных). Поэтому и поражения в точном смысле слова Сципион не потерпел. Карфагенская конница, действительно, одержала верх над римской, но эта последняя в порядке отступила в лагерь. В бегство обратился только отряд легкой пехоты, а пехота вообще во время конного сражения оставалась в укрепленном лагере.

Если при описании столкновения у Тицина автор допустил неточность, то в описании сражения при Требии вкралась прямая ошибка: «У Требии, — читаем мы, — Ганнибал одержал блестящую победу. Римляне были разбиты наголову. Немногие из них спасли свою жизнь бегством». Последнее неверно: около 10 тысяч человек тяжелой римской пехоты организованно пробились сквозь ряды врагов и укрылись в Плаценции (Liv., XXI, 56).

В статье «Рабство в Риме», вообще говоря, очень неплохой, автор заявляет, что Петроний принадлежало несколько романов: «Римский писатель Петроний в одном из своих романов рассказывает о том...» и т. д. (стр. 90).

Некоторые места обнаруживают небрежность редактирования или недостаточную продуманность плана книги в целом. Так, в статье «Сулла — диктатор» мы читаем, что «прежние заслуги Мариа перед республикой успели уже потускнеть, поведение же его в день консульских выборов 10 декабря 100 г. было у всех в памяти. В этот трагический для римской демократии день Марий ей изменил. Когда дело дошло до вооруженного столкновения на улицах Рима, он неожиданно перешел со своими солдатами на сторону сената» (стр. 151). Это место будет совершенно непонятно для юного читателя, знакомящегося с римской историей только по школьному учебнику и по рецензируемой

книге. В учебнике нет ни слова о восстании 10 декабря, а «Книга для чтения» ограничивается в этом вопросе только вышеприведенным отрывком. Кроме этого, в отрывке есть грубая ошибка: 10 декабря 100 г. происходили не консульские выборы, а вступление в должность народных трибунов на 99-й год.

Точно так же останется неясным начало статьи «Героические годы римской республики». Там речь идет о том, что первыми консулами римляне избрали, как повествует о том предание, Юния Брута и Коллатина, так как именно благодаря им и была установлена республика» (стр. 19). Но в предыдущем тексте о Коллатине нет упоминания, и он появляется здесь впервые.

Немалую путаницу мы находим в статье «Возвышение Цезаря» по вопросу о возникновении Первого триумvirата. Здесь искажен ход событий. На стр. 177 читаем: «Вернувшись в Рим, Цезарь выставил свою кандидатуру в консулы и был избран, несмотря на сильнейшее противодействие сенатской партии... Помпей и Красс издавна ненавидели друг друга. Ста в консулом (разрядка моя.— С. К.), Цезарь предпринял трудное дело помирить их и сделать из них своих могущественных союзников... Этот „союз трех“ (по-латыни — триумvirат) возник в 60 г. до н. э.» (разрядка моя.— С. К.). Когда же возник Первый триумvirат: в 59 г., когда Цезарь был консулом, или в 60 г.?

Материал «книги для чтения» нужно отбирать особенно тщательно. Не все, что есть в источниках, следует сообщать школьникам. К сожалению, даже лучшие статьи «Древнего Рима» не безупречны в этом отношении. В рассказе «Царь рабов Антиох Сирийский» мы читаем: «Сицилийские рабы, охваченные стремлением создать свое царство, яростно воевали против рабовладельцев. Они не давали пощады врагу. Пленным рабы отрубали обе руки, в то время как по римскому обычаю отрубали лишь кисти рук» (стр. 107). Во-первых, едва ли будет правильным считать, что стремление к созданию собственного государства являлось главным движущим мотивом рабов. Им, прежде всего, руководила ненависть к их угнетателям и страстная жажда свободы. Создание же государства было важным, но побочным моментом движения, вытекавшим из основного стимула. Во-вторых, школьнику вовсе не нужно знать о фактах жестокости рабов: никакого воспитательного значения это не имеет и, наоборот, может вызвать нежелательную реакцию.

В книге есть ряд стилистических промахов, переходящих иногда в смысловые. На стр. 7 в пояснительном тексте к рисунку римской волчицы неудачно сказано: «Ромул и Рем пристроены в XVI в.» На стр. 24 читаем: «... Браки между патрициями и плебеями были строжайшим образом запрещены». Лучше сказать «не признавались законом». На стр. 27 подряд два неудачных места. Прежде всего там сказано, что так как народные трибуны «не имели военной власти, то не могли, как консулы, созывать собрания по центуриям. Поэтому (разрядка моя.— С. К.) возникает новый вид народного собрания — по округам, или трибам (трибутные комиции)». Собрания по трибам, конечно, возникли не потому, что трибуны не могли созывать центуриатных комиций, а в силу более глубоких причин. На стр. 47 говорится: «Это обстоятельство подчеркнул Энгельс в своей исторической книге „Происхождение семьи, частной собственности и государства“». Выражение «историческая книга» здесь не уместно ввиду своей двусмысленности. Лучше сказать «замечательная», «глубокая», «гениальная» и т. п. На стр. 161: «Захватив груз, беглецы вооружились уже более солидно». Выражение «солидно» в данном случае мне кажется не совсем удачным.

Подводя итог, необходимо сказать, что, несмотря на все указанные погрешности, которые не так трудно будет исправить во втором издании, авторы книги, ее редактор и издательство сделали большое и нужное для школы дело. Какие изменения необходимо внести во второе издание? Прежде всего, заявить определенно, что данная «Книга для чтения» предназначена преимущественно для преподавателей и с этой целью, быть может, внести некоторые изменения в содержание и стиль статей. Затем произвести перераспределение материала, кое-что отбросив (рассказ о Корниолане), а кое-что прибавив (гибель Красса и др.). И, наконец, исправить все фактические ошибки и стилистические погрешности.

Однако изменение целевой установки «Древнего Рима» (что, как я уже говорил, будет только констатированием фактического характера книги) требует издания другой книги для чтения, не только *de iure*, но и *de facto* предназначенной для самих учащихся.

С. Ковалев

II

«Книга для чтения по истории Древнего Рима» под редакцией проф. С. Л. Утченко должна пополнить очень крупный пробел в нашей учебной литературе. Все более распространяющийся в средней школе метод соединения классного преподавания с самостоятельной углубленной работой учащихся над соответствующими источниками и исторической литературой, а также быстрый количественный рост как школьных, так и внешкольных исторических кружков давно уже настоятельно требует соответствующих печатных руководств, выходящих за пределы стандартных учебников.

Школьным преподавателям и руководителям кружков, за отсутствием иных подходящих пособий, приходится рекомендовать детям — ученикам V—VI классов — соответствующие главы больших университетских курсов, по своему содержанию и языку мало доступных для школьников, да и преследующих совершенно иные цели. Поэтому встречаются случаи использования вышедшей еще до 1917 г. и потому во всех отношениях сильно устаревшей «Книги для чтения по древней истории», обратившейся притом уже в антикварную редкость. В 1930-х годах группой московских преподавателей и методистов-историков была даже сделана попытка переделки этой книги применительно к новым условиям преподавания и новым требованиям методологического характера, естественно, закончившаяся неудачей; подготовленная уже рукопись, получившая отрицательные отзывы рецензентов, так и не вышла в свет. Авторы и редакция новой «Книги для чтения по истории Древнего Рима» поступили вполне правильно, отказавшись от такого рода неблагодарных и малоценных перелицовок старого и создав новое, приспособленное к требованиям нашей советской школы и советской молодежи пособие, в основу которого положено совершившее полный переворот в исторической науке марксистско-ленинское учение о формациях и в котором широко использованы все руководящие высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам истории древнего мира.

Основной своей целью, как указывается в предисловии (стр. 3), авторы скромно ставят «дать дополнительный материал к учебнику», расширяющий некоторые его особенно важные разделы или освещающий вопросы, в нем совсем не затронутые. «Это именно — книга для чтения, дополнение к систематическому курсу». Естественно, они берут на себя и обязанности «учитывать», как они выражаются, «последние достижения исторической науки» (стр. 3). Вполне последовательно в связи с этим это пособие в основном и рассчитано на детей 11—12 лет, обучающихся в V—VI классах, где проходят историю древнего мира и изучают соответствующий учебник.

Согласно этой основной установке произведен и выбор тем «Книги по истории Древнего Рима». Они воспроизводят по существу все основные, узловые разделы и главы учебника, повторяя их в расширенном виде, часто с очень значительными и весьма конкретно изображенными подробностями и деталями. Большие места по сравнению со структурой учебника отведено изображению времени империи. Статьи по истории империи написаны очень осведомленным автором и заключают в себе свежий, яркий и конкретный материал. Следует заметить также, что они составлены в несколько ином плане и тоне, чем предыдущие. Некоторые из них представляют собою маленькие исторические миниатюры полубеллетристического характера.

Авторы и редакция «Книги для чтения» в общем достигли своей главной цели. Следуя основному плану принятого в школе учебника, они почти к каждой существенной

главе его дали значительный добавочный материал, обычно воспроизводя и повторяя также все сообщаемые учебником элементарные факты. Пособие это, несомненно, будет весьма полезно для пополнения фактических знаний наших учащихся. Особенно богаты свежим и интересным фактическим материалом статьи: «Рабство в Риме», «Аристоники», «Вечный город», «В римском городе», «Римская вилла», «Император Диоклетиан», «Падение вечного города» и некоторые другие. Очень хорошие иллюстрации, к сожалению, с очень скудным объяснительным текстом под ними и размещенные несколько хаотично, тоже будут содействовать конкретизации представлений юных читателей об античности. Поможет эта «Книга» и преподавателю при подготовке им рассказа в классе — и, пожалуй, больше всего именно ему, так как статьи иногда перенасыщены материалом, а язык, которым написана книга, несколько тяжел для детей 11—12-летнего возраста. Статьи изобилуют такими выражениями, как «этнологические легенды» (стр. 8), «экономическая мощь» (стр. 68), «создать плацдарм для будущей войны» (стр. 68 и 70), «политическая репутация Фламиния» (стр. 77), «генеральное сражение» (стр. 79 и 80), «сильная коалиция» (стр. 82), «дипломатические приемы» (стр. 83), «стратегические результаты», «проблема резервов» (стр. 84), «ориентироваться» (стр. 196), «аннулировать» (стр. 202), «Цицерон — старый энтузиаст» (стр. 205), император Клавдий — «педаантичный любитель (?) и собиратель древностей» (стр. 431) и т. п.

Однако, если уже все ударение ставить только на расширении фактического материала, то факты эти должны быть поданы безукоризненно. Между тем «Книга для чтения» изобилует фактическими ошибками. Некоторое число их можно еще отнести за счет небрежной корректуры: например «Сквар, пасынок Суллы» (стр. 89), «Леонтия» (= Леонтины, стр. 104), «философ Блосский» (= Блоссий, стр. 114), «Метилена» (= Митилена, стр. 128), «Манип Аквиллий» (= Маний Аквиллий, стр. 149), «Корсика, остров, расположенный у западного побережья Балканского полуострова» (= Коркира, стр. 194), «эргастула» (= эргастул, стр. 296) и др. Такие опечатки необходимо полностью перечислить и оговорить в особом приложении: ввиду учебного характера книги они могут быть предметом многих недоразумений. Значительно опаснее многочисленные прямые ошибки, которые нельзя отнести к случайным опечаткам. На стр. 14-й утверждается, что «все имена (римских) царей вымышлены», а далее читаем, что гробница в Тарквиниях «подтверждает историчность пятого римского царя!» (здесь же, внизу, «общественный строй» понимается как система управления! (сенат и пр.) (то же на стр. 16: «общественное устройство» = Народное собрание). Стр. 20: «Власть консулов ограничивалась тремя условиями (!) — коллегиальностью, краткосрочностью, интерцессией»; в действительности коллегиальность включает в себе интерцессию, но зато упущена провокация. Вряд ли время Сервия Туллия можно называть «периодом военной демократии» (стр. 25), тем более, что и сам автор говорит в другом месте, что «реформа... знаменовала собою образование классового рабовладельческого государства в древнем Риме» (стр. 16). Галлы пришли в Италию не «из Франции», как говорится на стр. 35, а из-за Альп, повидимому, из Богемии (бои). Капитолий напрасно возведен в достоинство «одного из семи римских холмов» (стр. 37). «Сенаторы провозгласили Камилла диктатором» (стр. 39) — диктатора никогда сенат не «провозглашал», его назначал один из очередных консулов. «В Греции римские сенаторы (!) пробыли дольше всего в Афинах (дело идет о подготовке записи законов в Риме. — В. Д.), где изучали главным образом законодательство Солона» (стр. 43) — очень смелое, но источниками не оправдываемое утверждение. Рисунки на стр. 54 изображают римских воинов императорской эпохи — нельзя ими иллюстрировать римское вооружение V—IV вв. до н. э. «Флот карфагения состоял из больших пятидесятивесельных судов» (стр. 66), а римляне построили «120 пятипалубных судов-пентер» (здесь же, ниже) — явная, очень досадная путаница! «Даровой (!) труд рабов избавлял богатых римлян от необходимости вводить лучшие орудия для работы» (стр. 92) — противоречит несомненным рационализаторским тенденциям римских хозяев: лучше бы привести здесь известное замечание К. Маркса об отношении рабов к хозяйскому инвентарю, что делало эти тенденции бесплодными. «Гамилькар был убит иберийцами в одном из сражений» (стр. 68) — как известно, он утонул при переправе через реку. «Сагунт был расположен к з а п а д у

от устья Эбро» (стр. 70) — конечно, к югу. На стр. 75 утверждается, что только Ганнибал и Суворов переходили с войсками через Альпы. «Рабы, заключенные в оковы, получали гораздо меньше хлеба» по сравнению с рабами незакованными (стр. 93)— это противоречит и указаниям Катона и расчетам самого автора, здесь же приведенным. «Любой римский люмпенпролетарий мог просуществовать, торгуя своим голосом на выборах» (стр. 114; ср. стр. 115) — трудно с этим согласиться. Рабы были вооружены «накаленными палками» — очевидно, палками с обожженными на огне остриями (стр. 129). «Создать себе карьеру в борьбе против Спартака согласился богатый ростовщик-спекулянт, выскочка из сословия всадников, будущий консул Марк Лициний Красс» (стр. 164)— странно, что автор ничего не слышал об одном из стариннейших и знатнейших римских родов — Лициниях, о роли Красса в штабе Суллы, о битве при Коллинских воротах и пр. Суд над Верресом происходил в 70-м, а не в 68-м г., тогда же Цицерон и был выбран эдилом (стр. 170). В 52 г., когда вспыхнуло восстание в Галлии, «Цезарь был в Риме» (стр. 180); к чему же ему было так колебаться в 49 г. при переходе через Рубикон! Марк Антоний, совершенно в духе октавиановской традиции, изображен беспутным гулякой, совершающим всякие «безрассудные шаги» (стр. 214), впавшим в «безумие» (стр. 215) от любви к Клеопатре: наконец он «понял, что предан женщиной, которую так любил... и покончил с собой» (стр. 217). Переворот же в Риме в 32 г. изображен, как «великодушный» акт Октавиана (стр. 215). «Овидий в своей поэме „Искусство любви“ вы смеивался законы Августа» (стр. 229)— странно, об этом до сих пор еще не было известно. «Германик — знаменитый племянник Августа» (стр. 230)— тоже открытие. «Вольноотпущенник Клавдия Полибий возглавлял ученое ведомство» (стр. 232)— возможно, что такое где-нибудь и существует, но в Риме его во всяком случае не было. К заголовку статьи «Золотой век» (стр. 218) следует прибавить «римской литературы», так как под «золотым веком» империи понимается обычно время Антонинов. Подобными ошибками дополнять учебник, конечно, не следует, и редакции «Книги для чтения» надлежало бы более полно использовать свои права в смысле ликвидации таких авторских погрешностей.

Но, представляется, что главный дефект рецензируемой книги не в этом, а в слишком узком понимании составителями ее своих задач. «Книга для чтения» в школьном, а тем более во внешкольном преподавании должна быть не простым «дополнением» к учебнику, а представлять собою следующую, высшую над ним ступень ознакомления начинающих с соответствующей исторической дисциплиной, в известной мере первым введенным в нее. Пособие должно, конечно, не в виде одних теоретических рассуждений, а на конкретных примерах знакомить с методическими приемами данной науки, путем анализа и сопоставления источников будить критическую мысль, вводить юных читателей в свою лабораторию, внушать им уважение и интерес к текущим научным проблемам и тем побуждать их к самостоятельным исканиям и исследованиям в нужном направлении. Только такая работа оживляет ученические и прочие кружки и возбуждает интерес молодежи к научному поиску и творчеству. Известно, с каким успехом проводят ее физики, химики, биологи, как увлекаются ею юные натуралисты и другие молодые исследователи природы, какие поразительные успехи они делают в этих науках, какие замечательные результаты дают их труды.

К сожалению, авторы «Книги для чтения» надо всем этим, повидимому, не задумывались и потому такие скромные цели поставили себе при составлении книги. В списке авторов нет никого из столь многочисленных мастеров преподавательского дела, кроме О. В. Филипповой, написавшей одну статью («Восстание Спартака»), никого и из историков-методистов. Незаметно, чтобы редакция даже консультировалась с широкой педагогической общественностью о том, какой характер должна иметь «Книга для чтения». Поэтому она и вышла весьма узкой по своему содержанию и направлению, а результаты ее использования, повидимому, будут значительно меньше, чем следовало бы надеяться и ожидать.

Как, например, обстоит дело с раскрытием приемов исторического анализа и критики, столь существенных для нашей науки? Казалось бы, отличный повод для этого

дают все первые статьи о происхождении Рима и о раннем легендарном периоде его истории. Но в них с утомительными подробностями на многих страницах повторяется все, что можно найти самого фантастического и неправдоподобного об этом времени у Тита Ливия и Плутарха. Даже целая статья посвящена истории Кориолана. «Римские истории рассказывают много ярких подробностей этой борьбы (патрицев с плебейми). Одним из наиболее драматических эпизодов является легенда о Кориолане. Гай Марций, по прозвищу Кориолан, происходил из знатного патрицианского рода» и т. д. со всеми деталями и с наивной верой в их достоверность, на шести страницах! Заканчивается статья следующими словами: «Тот, кто отрывается от своего народа, не идет вместе с ним, не отстаивает его интересы, а выступает против него, тот неизбежно становится на путь предательства и измены и наконец позорно гибнет. Таков был и бесславный конец римского патриция Гая Марция Кориолана» (стр. 33). Очень торжественно и поучительно, но, как и в любом дореволюционном учебнике, здесь налицо замалчивание социального смысла этой легенды. С полной серьезностью рассказываются также предания о великих патрициях римского прошлого — о расправе Брута со своими сыновьями, о Горации Коклесе, Муции Сцеволе, Клелии, только с замечанием, что «многое в этих легендах изображается сгущенными и красками» (стр. 23); приведена полностью даже «пошлая басня» (Маркс) премудрого Менения Агриппы (стр. 26) и без всяких комментариев. Небольшому и мало убедительному разбору на половине страницы (стр. 8) подвергается лишь легенда о Ромуле и Реме, изложенная чрезвычайно пространно.

Не лучше ли было бы все это изложить в обратной последовательности; начинать не с легенд, а с действительности: сперва рассказать, что мы знаем теперь о древнейшем периоде истории Италии и Рима — на основании археологических открытий, исследования пережитков, языка и пр., а затем перейти уже и к традиции, опять-таки изобразив, как она сложилась и сохранилась в определенных общественных кругах, какова ее социальная направленность, а потому и достоверность. При системе, принятой авторами, сосредоточившими все свое внимание на мифологии и легендах, весьма притом позднего происхождения, совершенно неосвещенной оказалась древнейшая материальная культура, экономика и быт, совершенно ничего нет о ранних формах рабства, хотя государство и именуется «рабовладельческим», о древнем анимизме и пр. В результате авторы не только не показали примера критического отношения к традиции о древнейшем периоде истории Рима, но, напротив, незаметно завлекли читателя в ее опасную паутину.

Недостаточно критическое отношение к источникам пронизывает и большинство статей всего этого пособия. Рассказ о нашествии галлов выдержан строго в стиле Тита Ливия и Плутарха. Сухое замечание автора, помещенное незаметно в конце статьи, о «приукрашенном виде» этого предания никакого следа в сознании юного читателя, конечно, не оставит, но то, что после битвы при Алии варвары «галлы отрубили головы всем убитым и пировали всю ночь в честь своей победы» (стр. 37), или что при нападении на них доблестного Камилла под Ардеей «галлы были пьяны и спали... большинство галлов погибло в состоянии сна и опьянения, только несколько человек протрезвилось от страха» (стр. 38) — все это, конечно, запоминается, о чем приходится по меньшей мере пожалеть. О социальном строе у галлов, об их культуре латенского периода в «Книге» ничего нет.

Статья «Царь рабов Антиох Сирийский» полна еще больших несообразностей и противоречий. Жестокая эксплуатация рабов в Сицилии объясняется не системой сицилийского плантационного хозяйства, рассчитанного на экспорт сельскохозяйственной продукции, а тем, что «огромное скопление невольников на этом острове (как будто это было случайное явление!) особенно обесценило рабов... Товар этот был так дешев» (стр. 99). Дамофил здесь «в нарядно убранных колясках (!)... самодовольно (!) совершал пышные путешествия», а рабы ходили «часто закованные в собачий ошейник» (стр. 101). Следуя Диодору (точнее его источнику — сирийцу Посидонию!), автор изображает восстание в Сицилии как движение «многочисленных рабов сирийцев» (стр. 101). «Изрыгающий огонь Евн был вне-

реди восставших» (стр. 102) и стал «Антиохом Сирийским». И в то же время «новый царь немедленно созвал народное собрание, с о в с е м т а к, к а к э т о д е л а л о с ь н а е г о р о д н о й з е м л е» (стр. 103)—автор, к сожалению, не поясняет, какие цари Селевкиды и когда собирали народные собрания! Дальше все в том же духе: Энна стала «резиденцией н о в о с и р и й с к о г о ц а р я» (стр. 104), все восставшие рабы в дальнейшем именуются просто «с и р и й ц а м и» (стр. 108), хотя среди вождей, конечно, были еще грек Ахей и «п а с т у х л о ш а д е й — киликиец Клеон, п р о д а н н ы й п и р а т а м и в р а б с т в о в С и ц и л и ю» (стр. 105: здесь уже отступление от Диодора, который называет Клеона «конюхом, бывшим пиратом» (!). «Рабы не давали пощады врагу: пленным отрубали обе руки, в то время как по римскому обычаю (?) отрубались лишь кисти рук» (стр. 107). Не упущено и то, что «Гермий вонзил меч в бок своего господина, а Зевксис ударил его топором по шее» (стр. 103). Римляне долго не могли сладить с восставшими потому, что в Сицилии не было удобных дорог «для продвижения римского войска, привыкшего к удобной лагерной жизни: римские полководцы везли с собой массу багажа вплоть до мягких кроватей, они рассчитывали (!) и здесь жить со всеми удобствами» (стр. 109). В конце концов, несмотря на «изнеженность полководцев» (стр. 109), все же римляне победили: «Клеон... погиб, Ахей тоже погиб, сирийцы потеряли своих лучших полководцев... Евна с четырьмя слугами — п о в а р о м, п е к а р е м, б а н щ и к о м и ш у т о м Рупилий в ы т а щ и л и з п е щ е р ы и з а к л ю ч и л п о д с т р а ж у» (стр. 111). Все это только часть тех порочащих восстание рабов нелепостей, которыми полна вся эта чрезвычайно ответственная по значению статья.

Несколько лучше столь же ответственная статья «Восстание Спартака», но она тоже способна, помимо намерений авторов, вызвать ряд сомнений даже у неспециализированного читателя. Откуда Плутарх узнал план Спартака «собрать как можно больше рабов и вывести их из Италии через Восточные Альпы» (стр. 163)? Почему же за Спартаком не пошли галлы и германцы, которые, очутившись за Альпами, «становились свободными и могли вернуться в свои родные места» (стр. 163), а пошли другие рабы, т. е. сирийцы, греки, иберы, которых римляне немедленно бы на подвластных им землях изловили? Как мог Спартак проявить такую мягкотелость и отказаться от близкого к осуществлению плана по «настоятельным требованиям упоенной победой», т. е. потерявшей рассудок, обезумевшей массы «рабов и свободной бедноты» (стр. 164)? Справедливо ли приписывать массам такую переменчивость и тупость, а великому вождю такую податливость? Зачем и куда после сражения в Пиценуме «Спартак между тем уходил через Луканию и Бруттий» (стр. 164)? Ведь он разбил Муммия, посланного Крассом ему в обход, и путь на север для осуществления его первоначального плана был ему свободен. Если Спартак пробился из Бруттия только с одной третьей частью своего войска (стр. 165), то как в последней битве с Крассом могла у него опять оказаться стотысячная армия? Мог ли он серьезно рассчитывать на возможность переправить такую массу людей из Брундизия в Грецию (стр. 165)? Сколько же нужно было бы для этого кораблей? Все эти вопросы следовало бы себе поставить и автору статьи — школьники во всяком случае такие несообразности быстро замечают. Они любят спрашивать, и в этом их надлежит поощрять. Указанные уже общие проблемы как раз являются острыми и в нашей науке.

Следуя общеизвестному биографическому уклону античной историографии, авторы «Книги для чтения» почти всю бурную историю крушения римского республиканского строя и возникновения империи рассматривают главным образом под этим углом зрения. Из 12 статей, отведенных этому периоду, по крайней мере 10 посвящено описанию жизни и деятельности отдельных выдающихся личностей, например, Гракхам, Аристоник, Сулле, Цицерону, Цезарю, Антонию, Октавиану.

Необходимо более ярко показать роль народных масс в эту эпоху и не забывать, что с 80-х годов I в. до н. э. «римским народом» являлось все многомиллионное население Италии. В него входило множество трудящихся, непосредственных производителей материальных благ, мелких земледельцев, организованных в коллегии и разные соседские и земледельческие общества маленьких людей, артели строителей и сель-

скохозяйственных батраков и т. п. Поэтому нельзя под «римским народом» иметь в виду только городских люмпенпролетариев, которые могли будто бы просуществовать, торгуя своими голосами (стр. 114—115), а следует осветить жизнь всего трудящегося населения Италии, которое, конечно, нельзя было прокормить подачками богачей.

«Книга для чтения по истории древнего Рима», как и всякая другая историческая работа, должна ярко и всесторонне осветить деятельность трудящихся масс, ибо именно этим должна интересоваться «...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой...»¹

Редакция в своем предисловии обещала «учитывать» последние достижения исторической науки» (стр. 3) и «последние данные археологических открытий». Нельзя сказать, чтобы и это обещание было достаточно выполнено. Археологический и эпиграфический материал замечен в некоторых статьях, посвященных римской империи, например, в статьях «Вечный город» и «В римском городе», особенно в последней. Но статья эта написана в причудливой форме прямой речи какого-то вымышленного «пожилого горожанина», поучающего на протяжении десяти страниц текста некоего чрезмерно наивного «молодого крестьянина», что оставляет самое сумбурное и весьма тяжелое впечатление. Импрессионистской манерой, сводящейся к множеству отдельных красочных мазков, оставляющих общее впечатление, но не поддающихся планомерному воспроизведению в обычной речи, грешат и другие статьи весьма в общем осведомленного автора этого отдела римской истории. Но если все же здесь и заметны некоторые новые материалы, то в общем в «Книге» совершенно игнорируются новые данные о доисторической Италии, о быте итальянских племен, о культуре этрусков; почти совсем не представлены римские провинции, умалчивается об их сопротивлении римскому игу (Испания, Карфаген и Греция в 140-х годах и др.), есть лишь статья о покорении Дакии. Нет ничего о Причерноморье и Боспорском царстве в период римского господства, об Армении, бывшей яблоком раздора между Римом и Парфией, о римских попытках подчинить себе Кавказ; нет вообще всех тех новых данных, которыми по праву, как своими блестящими достижениями, гордится советская наука. Жаль, что все это осталось за пределами интересов и внимания авторов и редакции рецензируемого издания.

Таким образом, новая и очень нужная «Книга для чтения» оставляет двойственное впечатление. Следует приветствовать появление такого пособия, надо отметить значительный труд авторов его и редакции, чтобы дать дополнение к стандартному учебнику, переставшему уже в значительной мере удовлетворять сильно повысившимся со времени его составления требованиям нашей советской школы. Но следует также пожелать, чтобы при перепздании этого пособия и тем более при составлении соответствующих ему «Книги для чтения по истории древней Греции» и «Книги для чтения по истории древнего Востока», которые значатся в издательских планах Учпедгиза, было учтено то обстоятельство, что подобные руководства имеют значительно более широкие задачи, чем простое «дополнение к систематическому курсу». Если авторы и редакция таких пособий, правильно отказавшись от перелицовки устарелого, откажутся также от стремления только подшивать и удлинять ставшие узкими или короткими части его, а серьезно задумаются над удовлетворением потребности молодежи, бурно порывающейся посылить включиться в научное творчество,— они окажут своими на таких принципах построенными «Книгами для чтения» громадную помощь и нашей школе, и внешкольным кружкам, вообще молодой смене нашей науки.

В. Н. Дьяков

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

Л. П. ПОТАПОВ, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948.

Книга Л. П. Потапова, вышедшая в свет в начале 1949 г. и удостоенная в 1951 году Сталинской премии, является результатом почти тридцатилетней работы ее автора по археологии, этнографии и истории народов Алтая и Кузнецкого Алатау — шорцев, алтайцев и др. Этой книге предшествовали другие книги проф. Потапова, которые давно уже закрепили за ним законную известность ведущего историка Саяно-Алтая. Что же касается самого направления его исследований, то следует сказать, что Л. П. Потапов является представителем нового направления в этнографической науке, которое отличает советскую этнографию от буржуазной. Л. П. Потапов с самого начала своей деятельности, применяя метод исторического материализма, все свои археолого-этнографические исследования подчинил задачам исторического анализа, создания не описательных работ в духе старой этнографии, но исторических монографий, выясняющих историю того или иного народа. Эти принципы, в настоящее время широко применяемые всеми советскими этнографами, одного из первых привели Л. П. Потапова к специальной разработке архивных материалов по истории изучаемых им народов. Это особенно сблизило труды этнографа Потапова с чисто историческими сочинениями. От историка Л. П. Потапова отличает лишь широкое включение в его работы тщательно проверенного этнографического и фольклорного материала. Это делает его исследования еще более убедительными и жизненными.

Во введении к книге дан обстоятельный обзор главных направлений в изучении истории Алтая в прошлом и за советский период. При этом надо отметить, что этот обзор дан историком-марксистом, расценивавшим деятельность своих предшественников и свои собственные исследования в связи с теми изменениями, которые происходили в классовой борьбе в царской России, и теми изменениями, которые характеризовали первое тридцатилетие развития Советского Союза. Л. П. Потапов поддал здесь пример большевистской самокритики, не только вскрывая, но и объясняя свои собственные ошибки, имевшие место в его работах, вышедших в тридцатые годы — до Великой Отечественной войны.

Исторический очерк древних эпох в жизни населения Алтая, являющийся содержанием первой части книги, написан автором с большим знанием литературы и источников. В разделе «Древнейшие обитатели Алтая» в сжатой форме автор описал прогрессивное развитие культуры древнейшего населения Алтая со времен неолита и до конца бронзового века, когда древняя металлургия бронзы достигла весьма высокого уровня и распространилось земледелие. Автор считает, что это развитие и разнообразие оружия, выделяемого в конце бронзового века, «отражает развитие военного дела, которое в следующий период культурной жизни древних обитателей Алтая, в связи с возникновением и развитием кочевого образа жизни, превратилось в постоянный промысел».

Следующий период (с VII в. до н. э. по I в. н. э.), по мнению автора, является временем разложения первобытно-общинного строя на Алтае. Тогда «интенсивно развивается скотоводство в кочевой форме, создавшее своеобразную культуру ранних кочевников Алтая». Эта культура, по мнению автора, отражает первое общественное разделение труда, происходившее в этом обширном районе. Новый способ производства средств существования в форме кочевого скотоводства вызвал коренное изменение всего хозяйственного и социального уклада в жизни алтайских племен во второй половине первого тысячелетия до нашей эры.

Привлекая сравнительно-исторический материал при анализе больших алтайских курганов, Л. П. Потапов делает вывод, «что у ранних кочевников Алтая уже возникли первоначальные формы эксплуатации» (стр. 89). В богатых семьях «пленников оставляли в качестве рабов, в качестве рабочей силы» (стр. 91). Давая общую характеристику состоянию общества на Алтае в эту эпоху, автор отмечает переплетение патриархально-родовых отношений с отношениями рабовладельческими, составившее основную черту социальных отношений у ранних кочевников Алтая. «Учитывая в их жизни роль и значение военного дела и военного предводительства, можно этот строй считать, —